

18+

Николай Бредихин

Распятая

Любовный роман

Николай Бредихин

Распятая. Любовный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69271180

ISBN 9785006008854

Аннотация

Роман «РАСПЯТАЯ» – первый из серии книг писателя Николая Бредихина о «Русской Анжелике», Анне Леднёвой. Он повествует о девушке, побывавшей в лапах четырёх сексуальных насильников. Для того чтобы остаться в живых, Аня шла на всё, удовлетворяя буйные фантазии своих мучителей. Однако теперь, когда она на свободе и злодеи сидят в тюрьме, она никак не может вернуться к нормальной жизни, её постоянно преследуют кошмары, воспоминания.

Содержание

Часть первая. Река, море	5
I – Убегая, убегай!	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	51
II – «Моя добыча!»	59
Глава 1	59
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Распятая Любовный роман

Николай Бредихин

*Если принять официальную трактовку
Христа не как человека, а как богочеловека,
то мы должны найти в себе мужество при-
знать, что женскую часть его сущности с
креста никто до сих пор не удосуужился
снять. Так она и висит там распятая.
Ведомый Влекущий «Книга Вечной Жизни»*

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2023

ISBN 978-5-0060-0885-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Река, море

I – Убегая, убегай!

Глава 1

– Виновна ли она?

– Виновна!

– В чем её главное прегрешение?

– Она родилась ведьмой.

– Любая женщина по натуре нечиста, можем ли мы предъявить в данном случае конкретные обвинения?

– Да, она совратила множество мужчин, вовлекала их в оргии.

– Вина доказана, есть признания?

– Есть признания и есть свидетели, всё запротоколировано и оформлено надлежащим образом.

– Она раскаялась?

– Да. Добровольно и чистосердечно.

– Хорошо. Значит, у неё есть шанс быть помилованной Господом! К сожалению, здесь, на Земле, мы только одним можем помочь ей: вознестись поскорее на небеса, чтобы она попыталась получить там прощение. Приступайте!

– До смерти?

– До смерти в ней ведьмы!

Семеро судей в длинных чёрных балахонах с капюшонами покинули свои кресла и смешались с толпой. В скором времени их уже невозможно было отличить от остальных: балахоны исчезли, остались только маски и туники самых разных ярких цветов.

Мои руки, ноги, голова были привязаны к специальным растяжкам. Верёвки стали медленно натягиваться, сухожилия напряглись... Я не выдержала и истошно закричала. Натяжение прекратилось, но боль не проходила, мне было трудно дышать.

Между тем толпа с ликующими криками, как по команде, пришла в движение. Люди подбегали ко мне с длинными острыми ножами и резали на мелкие кусочки моё рубище, изрисованное мерзкими, ухмыляющимися рогами хари, гигантскими сковородами, котлами с кипящей водой.

Когда открылись груди, все дружно загоготали. Наконец я предстала их взорам полностью обнажённой. Какое-то мгновение вокруг царило молчание, затем раздался оглушительный многоголосый рык. Туники полетели на пол, и я с удивлением обнаружила, что передо мной были не только мужчины, но и женщины, вот только маски никто из них так и не удосужился снять.

Как бы разогревая меня, они начали хлестать моё тело плётками, стараясь попасть кожаными язычками в са-

мые укромные и чувствительные места. Они кричали вместе со мной, своими сладострастными стонами порой даже заглушая меня. Пытка прекратилась только тогда, когда кожа моя начала сочиться кровью. Так вот чего они, оказывается, так долго жаждали – крови. Именно от неё они пришли в столь дикое исступление.

Дальше, словно вырвавшись на волю, дождавшись особого сигнала, как в какой-то хорошо отрепетированной игре с незнакомыми мне правилами, они подбегали ко мне то поодиночке, то небольшими группами и методично, изощрённо пытали меня. Самые удачные изыски заслуживали особого одобрения, вызывали буквально вопли восторга.

Они восхищались моим телом, но с тем большим удовольствием и возбуждением глумились над ним, ни на минуту не замолкая в воинственных криках, дразнящих столах. Самым популярным из них был «Изыди, сатана!». Нужно ли говорить о том, какую невыносимую боль причиняло мне каждое их прикосновение!

Наконец, моя кожа не выдержала, в одном месте лопнула. Возможно, это было каким-то апогеем, венцом их усилий. Ко мне тут же подбежали двое мужчин с раскалённым котелком и стали заливать свинцом образовавшуюся рану. Подобного я уже не могла вынести, тело моё бессильно обмякло и повисло на растяжках. Однако мои страдания не разжалобили мучителей, а только послужили поводом для того, чтобы растяжки подтянуть ещё крепче.

Я то теряла сознание, то вновь приходила в себя от боли, причинённой очередной порцией свинца. Не знаю, сколько это продолжалось... Наверное, довольно долго, никакая другая боль уже не ощущалась мною, только от расплавленного металла.

– Смерть или жизнь? – услышала я вдруг грозный голос, снова на мгновение придя в себя. С трудом, не веря, я поняла, что вопрос обращён именно ко мне, только ко мне.

Мрачная высокая фигура в чёрной рясе, с лицом, закрытым капюшоном, расталкивая присутствующих, вышла из толпы и встала передо мной, сверля меня пронзительным взглядом.

– Жизнь, – с трудом пошевелила я запёкшимися губами.

– Такая жизнь?

– Жизнь, – всё также хрипло, с невероятным усилием выдавила я из себя.

– Такая жизнь?

– Такая жизнь, – покорно ответила я, потеряв сознание уже надолго.

Глава 2

«Господи, что я делаю?».

Даже очутившись здесь, в этом шикарно обставленном офисе с куколкой-секретаршей, с умным видом (оживший персонаж из столь популярных анекдотов про блондинок)

шелестевшей маленькими изящными пальчиками по клавиатуре компьютера, я не могла избавиться от двух изводивших меня ощущений: того, что я зря потратила свои деньги (сто евро, чокнуться можно!), и надежды на чудо, что через полчаса (за те же сто евро, совсем даром!) я выйду отсюда здоровой и счастливой. Навсегда.

Наконец дверь отворилась, и из неё выпорхнула ультрамодно одетая дамочка лет где-то между сорока и пятьюдесятью, вся всклокоченная, возбуждённая и вместе с тем как бы воздушная, одухотворённая.

«Как после бани! – машинально пришло мне на ум сравнение. – Интересно, что там с ней делали? На кушетке ублажали?»

Дамочка тут же подбежала к «куколке» и принялась обсуждать с ней дату следующего визита, перемежая беседу какими-то восхищёнными ахами-вздохами и чисто женскими пустопорожними репликами относительно кавалеров, причёсок, одежды, отпуская комплименты и напрашиваясь на комплимент.

Однако у меня совершенно не было времени их послушать, так как загорелась лампочка над дверью кабинета, приглашая меня войти.

Леонард Львович (а именно так его звали) сидел в кресле, уперев локти в стол, сбросив на грудь очки, поддерживающиеся изящной серебряной цепочкой, и держа ладони на лбу. Вроде как выражая всем своим видом глубокую за-

думчивость, а на самом деле элементарно спал.

Однако сон у него (если то был, действительно, сон и я не ошиблась) был очень чутким: он моментально среагировал на стук закрывающейся двери и буквально лучился теперь благодушием и приветливостью. Я ожидала увидеть какого-нибудь старичка, чуть ли не с пенсне на носу, еле удерживающегося от того, чтобы не назвать меня «милочкой», а может, и не удерживающегося. Но передо мной сидел голубоглазый блондинчик, долговязый, смешливый, лет тридцати-тридцати двух от роду.

И это светило! Профессор! Величина международного масштаба? Боже, ну и попала я в переплёт!

– Здравствуйте! Присаживайтесь, что же вы? – прервал мои размышления «светоч». – Ну, я весь внимание. Вы так упорно ко мне пробивались, рассказывайте, с чем пришли?

Я тотчас раскрыла папку, разложила перед ним газетные вырезки и принялась бубнить заученную за долгие месяцы речь. Я давно уже делала это машинально, но сейчас отдельные моменты то тут, то там вновь принимались цеплять меня, и мне всё чаще и чаще приходилось выдерживать паузы и успокаиваться, прежде чем перейти к следующему эпизоду своих невесёлых воспоминаний. Однако что меня возмутило: «светило» даже не потрудился притвориться, изобразить на лице сострадание, как это до него все (повторяю, все, даже неумёхи!) делали.

– Так, и в чём проблема? – спокойно спросил он, когда я

закончила свой рассказ.

Господи, «в чём проблема»?.. Он что, идиот? Действительно, в чём проблема? Сколько раз мне это говорили! Я ведь осталась жива! Но разве я жива? Если бы я была жива, разве я сидела бы здесь сейчас, «воодушевляясь» ухмылкой этого «профессора кислых щей»?

– Молчите? Что ж, время идёт, – вздохнул «великий целитель». – Я в том смысле так выразился, что вы вполне могли бы решить все свои проблемы сами. Зачем вам психотерапевт? Сбивать вас с толку? Подумайте, вам удалось вырваться, остаться в живых, побывав в лапах изошрённых насильников, зарвавшихся нуворишей. Подобных случаев можно привести один на несколько тысяч. А сейчас вы просите пожелать вас, погладить по головке, «вывести из мрака». Нелогично и... не смешно.

Мою грудь распирало от слов возмущения, но я смогла выдавить из себя только:

– Нет, не могу. С каждым днём мне становится всё хуже и хуже, я всё больше углубляюсь в пережитое, всё дальше ухожу в сторону от окружающего мира, растворяюсь в депрессии. Я умираю, и умираю в мучениях, нечеловеческих страданиях. Я падаю, падаю, падаю и не могу остановиться. «Они» добивают меня.

«Псих» (психотерапевтом мне трудно было его назвать, так я его в тот момент возненавидела!) между тем протёр специальной (с антистатиком) тряпочкой очки, нацепил их

на нос и принялся бесцеремонно меня разглядывать.

– Не вижу, не вижу падения. Вижу макияж, умело, с чувством меры наложенный, осмысленное выражение лица. А вас наверняка убедили в том, что по вам психиатричка плачет, советовали полежать где-нибудь, подлечиться как следует, и желательно у частника, непременно у частника. Могу догадаться, что вы обошли всех доступных вам по деньгам самоучек и шарлатанов, для которых вы были не более чем подопытным кроликом, точнее крольчихой. Гипноз, иглоукалывание, таблеточки разные. Очень, кстати, опасные. Удивляюсь, как у вас до сих пор крыша на месте.

Тут я не выдержала, сорвалась, ударила что было силы кулаком по столу.

– Не видите! Ничего вы не видите! И что за советы вы мне даёте? «Помоги себе сама»? Что вы мне нового сказали? Зачем я вообще к вам пришла?

Горе-профессор несколько секунд смотрел на меня, раскрасневшуюся, разгневанную, в восхищении, затем достал из стола и протянул мне какие-то загогулины.

– Прекрасно! Держите! Это бумеранги. Ненастоящие, так, игрушечки, но может быть больно, если не увернётесь вовремя, и даже очень больно.

Не знаю, что со мной произошло, но я в самом деле схватила эти чёртовы деревяшки и стала что было силы бросаться ими.

– Сильнее! Ещё сильнее! – подбадривал меня

«псих» (действительно псих!), отбежавший в другой конец комнаты и делавший всё возможное, чтобы и полюбоваться результатами моих усилий, и не подставить голову под обстрел. А вот я так и не смогла полностью уберечь себя: несколько ударов всё же пропустила.

– Скажите, вы со всеми так? – упала я наконец в кресло, совершенно обессиленная.

– Нет, с каждым по-разному.

– И чем же я заслужила подобное с собой обращение?

– Хороший вопрос! Как я понимаю, вы задали его самой себе?

Мой мучитель неторопливо собрал все разбросанные по кабинету «игрушечки», давая мне время полностью прийти в себя.

– Так, хорошо, это была первая рекомендация. Не самая, на мой взгляд, удачная. Так сказать, первый блин. Что вы ещё мне посоветуете?

– Вернуться к жизни. Влюбиться или хотя бы завести любовника.

Я была готова задушить его.

– Любовника! Да вы хоть представляете, что у меня «там»?

– Догадываюсь, – спокойно ответил он. – Весьма уютное «гнёздышко».

Я не поверила своим ушам.

– Что?!!

– Ну, как у всех женщин. Или вы считаете себя в этом отношении уникальной?

– Послушайте, вы в своём уме? Вы действительно психотерапевт или сантехник какой-нибудь, случайно забрели сюда? Да я вас по судам затаскаю! У вас отберут лицензию! Вы фашист!!! Изверг! Сами маньяк! Таким, как вы, нет места на Земле! Я вас в порошок сотру, уничтожу!

Он похлопал несколько раз в ладоши, как бы пытаясь вернуть меня на грешную землю. Но я никак не могла успокоиться.

– «Гнёздышко»! Господи, видели бы вы это «гнёздышко»! Однако этого чёртова психа трудно было вывести из себя. Он опять нацепил на нос свои дурацкие очки и с готовностью приподнялся в кресле.

– Что ж, время есть. Давайте посмотрим.

Я не знаю, что я могла в тот момент сделать. Например, поднять над головой двухтумбовый письменный стол и швырнуть им в окно. Вцепиться, как кошка, в горло этому подонку и в мгновение ока задушить его. Выскочить из кабинета, просто пробив собой дверь, и разнести вдребезги одним движением руки компьютер в приёмной. Но ничего подобного не произошло: я просто расхохоталась. Могу сказать одно: я никогда в жизни так не смеялась. Потому что никогда ещё не бывала в состоянии полной, безудержной истерики. Я сползла с кресла, швырялась, чем только могла, отбила себе все руки, не помню даже обо что, а в итоге размякла,

растеклась по полу, словно медуза, так что «психу» чуть ли не по частям пришлось отдирать меня от него.

– Хорошо, – бодро объявил он, когда ему наконец удалось уложить то, что от меня осталось, в кресло. Затем порылся в шкафах, как я поняла – намеренно растягивая время. В конце концов достал напольные весы. – Сколько, вы говорили, в вас залили свинца сегодня ночью?

– Много, очень много, – зло ответила я.

Леонард придвинул весы прямо к моим ногам.

– Взвешивайтесь! Что же вы? Взвешивайтесь! Интересно посмотреть, прибавили вы в весе или нет?

Я злобно пнула весы ногой, откинув их в сторону. Я уже поняла, что он хотел доказать мне.

– Да, но это было во сне. А что со мной наяву происходило, вы слышали или мимо ушей пропускали?

Леонард спокойно пожал плечами.

– Да, слышал, конечно, но всё это далеко позади. Что вам мешает сейчас восстановиться, вернуться к нормальной жизни? Ощущение скверны? Ведь из того, что вы мне только что рассказывали, ничто не говорит о том, что вас физически или духовно изуродовали. Травма носила и носит до сих пор исключительно моральный характер.

Мы некоторое время молчали. По сути, он был прав и крыть мне было нечем.

– Ладно, – продолжил он, – если хотите, вот ещё одно ЦУ (ценное указание): вы должны избавиться (временно, разу-

меется) от всех провоцирующих деталей в одежде: джинсов «в облипочку», мини-юбок... Походку слегка приструнить, стараться не выделяться в толпе...

— Господи, — вздохнула я. — И где вы только набрались таких глубокомысленных знаний? Из журналов глянцевого, интернета?

— Вы не поняли меня, — ничуть не смутился «профессор». — Речь в данном случае идёт не о том, чтобы не привлечь к себе нежелательного внимания какого-нибудь другого, очередного монстра, а о том, чтобы заблокировать в вашем сознании страх, что подобное может с вами вновь произойти. Об этом тоже было в газетах?

Я снова угрюмо промолчала в ответ.

— Хорошо, если вам нравится сугубо научный подход, может попробовать принцип трёх «С»?

— Принцип трёх «С»? Понятия не имею, что это такое? — оживилась я.

Он усмехнулся.

— Вот видите, как что-то непонятное, так сразу интересно: уши на макушке. А на самом деле, опять же, проще некуда: слёзы, сон, смех. Выплакаться, выпастаться, рассмеяться. Лучший выход из любой депрессии, любого стресса. Да-да, я уже вижу, как вы скептически улыбаетесь. Однако скажите, как у вас с этим? Плачете? Да, есть немного. Но прошли ли вы здесь весь путь до конца? От слёз бессилия, злости, запоздалого сожаления, которые лишь терзают вам душу, рас-

травляют вашу боль, до слёз, которые растворяют воспоминания и душу врачуют? Сон. По вашему же признанию, разве можно назвать «это» сном? Скорее какой-то неистощимый в своей изощрённости кошмар между бодрствованиями. И не ошибусь, если скажу: пусть истерика, припадок, нервный срыв – назовите это как угодно, но сегодня вы в первый раз за долгое время по-настоящему рассмеялись. Всё, поздравляю вас, ваше время вышло.

Я вновь ощутила в себе зарождающийся приступ ярости. Нет, мистер мошенник, мсье маньяк, господин главный псих всея Руси и её окрестностей, я не допущу, чтобы ты сидел здесь и дальше измывался над ни в чём не повинными людьми, выставляя себя богом и царём, надменным всезнайкой. Я тебя просто сотру в порошок. В одном ты, безусловно, прав: я такую школу прошла, через такой ад, что никому не позволю впредь над собой измываться.

– Верните мне мои деньги, – тихо, но твёрдо сказала я.

«Профессор» изобразил на лице полное тупое недоумение.

– Не понимаю. Объясните, почему я должен вернуть то, что заработал, причём в поте лица? Осмелюсь заметить, пациентка вы не из лёгких.

– Я не пациентка.

– Зачем же тогда вы пришли сюда?

– Я пришла к психотерапевту, который на деле оказался клоуном. В цирк билет стоит гораздо дешевле. Верните раз-

ницу. Пару-троечку евро, так и быть, оставьте себе, мы хорошо повеселились.

Он покачал головой, как бы в состоянии глубокой озабоченности. Затем приподнял брови, наморщил лоб.

– Вы не совсем правы. Знаете, сколько вообще профессиональных клоунов можно насчитать на нашем крутящемся без передыху земном шарике? Думаю, и тысячи не наберётся. Представьте, что столь уникального человека вы наняли себя одну развлекать. Согласился ли бы он это сделать всего только за сто евро?

– Хорошо, – попыталась я взять себя в руки. – Вы возвращаете мне деньги и обходитесь без всех неприятных последствий. Дурите и дальше голову всяческим идиотам. Или, как я уже поняла, главным образом идиоткам.

– Подходит, – кивнул он без раздумья. – Вы можете забрать свои деньги в любой момент в течение месяца, но при двух условиях: начиная с завтрашнего дня (знаете, бухгалтерия-бюрократия, нужно оформить возврат), а ещё одно – я никогда больше не приму вас, путь назад будет для вас заказан. Навсегда. По рукам?

Я подумала и согласилась: зачем без лишней надобности лезть на рожон? Один день погоды не сделает. И мы ударили с ним по рукам.

Глава 3

Итак, выбора у меня больше не было. Я всё перепробовала. Что оставалось напоследок? Самый знаменитый в России психотерапевт, затем... обыкновенная психушка. Хотя и среди них, наверное, было далеко не безразлично, где очутиться. Поразмыслив, я решила нарушить данное самой себе обещание. Да, круг замкнулся, но где-то, несомненно, я что-то пропустила и нужно попытаться пройти тот же путь ещё раз. Во всяком случае, в психиатричку никогда не поздно.

Не знаю, на что я надеялась, вновь встретившись с Немальцыной. Она довольно холодно выслушала мои стенания, затем подвела итог:

– Не обижайся, Аня, но я считаю, что твой сегодняшний визит бесполезен, он только отнял и у меня, и у тебя драгоценное время. Я бы вообще не дала согласия на нашу встречу, просто подумала, что ты решилась наконец на серьёзные действия. Очень прошу, больше не ищи встреч со мной. Мы сделали для тебя всё, что могли, большего ты сама не захотела. В принципе, я не жалею о нашем контакте: благодаря тебе мы даже изменили название нашей организации на более точный вариант. Теперь мы не Комитет защиты жертв сексуального насилия, а Комитет защиты и реабилитации жертв сексуальной агрессии. Казалось бы, добавились только два слова, а как расширилось само понятие! Ре-

абилитация – восстановление, лечение. Агрессия в данном случае – то, что предшествует насилию, стадия, на которой его ещё можно предотвратить. Так что мы квиты! Можешь на сей счёт не переживать.

В прошлый раз меня принимали в сауне, я там хорошо расслабилась с остальными «комитетчицами» (их было почти два десятка), сегодня встреча проходила непосредственно у Немальцыной на даче. Меня потряс бассейн, построенный на месте обыкновенного пруда. И мне вдруг нестерпимо захотелось в него окунуться.

– Можно? – жалобно попросила я свою благодетельницу, показав на пруд. – Там так красиво!

Любовь Аркадьевна снисходительно усмехнулась и кивнула в знак согласия. Я чуть было не заикнулась о купальнике, но вовремя прикусила язык. Все «комитетчицы» купались и загорали голышом. Кому их было здесь разглядывать?

Я быстренько разделась и нырнула в прохладную воду. Рыбки, вокруг меня плавали самые настоящие золотые рыбки. Как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Холёные женские тела, среди которых моё, кстати, смотрелось ничуть не хуже остальных. Разноцветные плавники, прищёпнутые губы, серебристые стайки – это уже рыбки настоящие. Водоросли, ракушки, воздушные пузырьки... Прямо как в аквариуме! Правда, от ближайшей дороги этот аквариум был далековато и никто, соответственно, не вызвал-ся меня подвезти.

Господи, а ведь моё несчастье могло бы сослужить мне в данном случае неплохую пользу. Мои обидчики были бы сурово наказаны, мне подыскали бы доходную должность, и я вот так плескалась бы среди «своих», виляя золотым хвостиком. Боже, и что же ты сотворил меня такой бестолочью?!

Глава 4

В жизни Олега Фомича Чугунова, следователя прокуратуры, который вёл когда-то моё дело, ничего не изменилось. Как и в прошлый раз, я нашла его в том же кафе, кварталах в трёх от его работы. Почему он выбрал такое неудобное место для своих обеденных перерывов? Может, его здесь подкармливали?

Увидев меня, он скривился, как от зубной боли:

– А, Леднёва, здравствуй! Опять пришла? Как там дела у «монте-кристов»?

– Неплохо, наверное, – охотно ухмыльнулась я его незамысловатой шутке. – Но я больше не мстительница. Будем считать, что в прошлый раз вы меня переубедили.

– И что, ты пришла выразить мне благодарность? Могла бы письмо прислать или эсэмэску скинуть, я вполне был бы удовлетворён. Только что-то плохо верится. Опять, наверное, что-нибудь замышляешь? Иначе, зачем бы я тебе вдруг понадобился?

Я покачала головой.

– Нет, точно. Я как раз сегодня была в «Фонде Магдалины», или КЗиРЖСА (без бутылки не выговоришь), у Немальцыной, и окончательно отказалась написать заявление о пересмотре моего дела, на чём она, кстати, очень настаивала.

Олег Фомич посерьёзшел.

– А, эти сучки! Да, надо отдать тебе должное, ты времени даром не теряла. Такие знакомства... дух захватывает! Что ж, эти могут. И добиться изменения приговора в гораздо худшую сторону, да и жизнь ребяткам на зоне такую устроить, что те на весь оставшийся срок забудут, как штаны застёгиваются. Вот только тебе потом пришлось бы либо в служанки к ним записаться, либо стать одной из них. Фемиnistки долбаные! На деньги своих мужей не только жизнью красивой упиваются, но ещё и объявили себя такими ново-явленными робингудками, защитницами женских прав. Ну ладно, мне время дорого, говори, зачем явилась?

Я поплакалась немного для вида, прекрасно зная, что пытаться разжалобить «железного Фомича» – занятие совершенно бесполезное. Затем сделала ему «предложение, от которого невозможно отказаться»: он мне – ксерокс с моего дела, а я ему – барашка в бумажке.

Чугунов ухмыльнулся:

– Статья... Предложение взятки сотруднику правоохранительных органов.

Я за словом в карман не полезла:

– А «рыбки» на что? Скажу, что для пересмотра дела ксерокс у дяденьки попросила, а дяденька злой оказался, просьбу бедной девочки не удовлетворил. У них руки длинные: воздастся дяденьке, чтобы маленьких не обижал. Как пить дать воздастся.

– Ладно, – вздохнул Фомич. – Будем считать, что разошлись с миром. Ты мне ничего не говорила, я тебе тоже. Кстати, а зачем тебе «дело»? Сказала ведь, что мстить передумала. Что-то ты, Леднёва, совсем изовралась!

– Почему же изовралась, – ответила я спокойно. – Могу сказать на полном серьёзе: просила помощи у всех, у кого только можно, никто мне не помог, хочу теперь попытаться сама во всём разобраться. С какой стати до сих пор эта история не отпускает меня? И где ещё, как не в материалах следствия, искать ту ниточку, которая в состоянии распутать весь клубок?

Чугунов встал.

– Глупости. Чушь очередная! Тебя что, так какой-нибудь из твоих недоделанных «знатоков человеческих душ» на сей эксперимент-экскремент подвиг? Ладно, мне пора! Спасибо, что не забываешь. Не пропадай, пиши, «приветы» мысленные, которых, как я вижу, у тебя в избытке, тоже можешь передавать иногда!

Но я упрямо поплелась за ним к машине. Он колебался немного, затем открыл мне дверцу на заднем сиденье.

– Послушай, Анхен! Говорим начистоту и разбегаемся. Я думаю, навсегда. Я сделал всё, что мог для тебя в твоём деле, выложился на полную катушку. Да, срок маленький они получили, «ребятки» наши, три года колонии общего режима. Считай, скоро выйдут на волю. Просто за хорошее поведение. Ну и при не менее хороших адвокатах! И что же? Может, ты боишься, что они начнут мстить тебе? Забудь! Не те люди. Не хочешь, чтобы они, выйдя, могли сотворить что-либо подобное с другими девчонками? Не будет этого. В том-то и вся сложность: они не маньяки. Тех не уgomонишь: рано или поздно всё равно попадаютсЯ и огребают на полную катушку за свои деяния. Даже их дружбе конец, не выдержит она такого испытания: один, двое, может, к нормальной жизни вернутся, кого-то и новая, преступная среда засосёт, но чтобы опять за старое – такому не бывать. Ты же сама помнишь, какую цену ты заплатила, чтобы из того ада вырваться, и как потом эта цена отразилась на ходе следствия.

Я побледнела. Воспоминания были слишком близки по времени.

– Но ведь иначе они бы убили меня. Какой у меня был выбор?

Фомич покачал головой.

– И тогда, и сейчас говорю тебе. Ты всё сделала правильно: и себе жизнь спасла, и ребят от греха увела. Но тем, что ты начала после этого сама проявлять инициативу и делать вид, что совершаешь всё без принуждения, добровольно, ты

лишила себя статуса жертвы. А ведь будь кто-нибудь другой на моём месте, тебя вполне могли бы провести в деле как соучастницу.

– Ну, на это я никогда бы не пошла. Уж лучше смерть!

– Кому ты баки заливаешь, Леднёва? Были, были эпизоды. С девчонками кто о цене договаривался? Кто их в машину приглашал? А кто их уговаривал: ничего, потерпите, скоро отпустят? Не изверги они, мол, просто ребятам захотелось покуражиться. Хотя я и пожалел тебя, из дела это изъяс, как недоказанное, но ведь на суде тебя сломали. Могу голову на отсечение дать, что за тебя они и дня сроку не получили. Вообще бы вывернулись сухими из воды, если бы я тех двух девчонок из Балашихи не уговорил рассказать всё, как было. Так что три года – это фантастика! Подумай, никаких «вещественных доказательств»: ни одной фотографии «на память», ни единой обмолвки в телефонных разговорах, никаких «специальных приспособлений» для пыток, вообще каких-либо извращений, а уж тем более зверств. Всем было ясно, что ребята просто заигрались. Сначала всё вообще было относительно невинно: снимали проституток, исправно платили им, потом стали задерживать их подольше, выжимая по максимуму удовольствие, однако в итоге ведь не избивали, не убивали, выгоняли и, опять же, платили! Ну, наорвались на тебя, дурочку. Комплекта не доставало – схватили первую попавшуюся, красивую, статную, в вызывающем «прикиде», перешли черту. Могло быть и хуже, но ты этот

узелок развязала, как я уже сказал. Чего тебе ещё нужно?

– Ксерокс! – мрачно ответила я.

– Ничего не получится, – спокойно покачал головой Фомич. – И не пытайся меня обломать. Не такие, как ты, пробоваали, но все уходили несолоно хлебавши. Ладно, прощай. Как я понял, тебе просто очень хотелось с кем-нибудь на эту тему поговорить. Считай, побалаболили. И не гневи Бога, Леднёва. Если хочешь, бесплатную экскурсию тебе устрою: проведу по местам захоронений (я как раз сейчас дело закрываю об одном действительном, а не придуманном маньяке), из показаний кое-что почитаю, фотографии покажу.

Я вздохнула.

– Чем удивили! Таких страстей-мордастей я в любой день могу по телевизору по самые некуда наглядеться.

Фомич не выдержал, снял руки с руля и развернулся ко мне всем торсом.

– Ах по телевизору! Ну, если телевизору да журнальчикам разным паршивым верить – так ещё всё в порядке, можно жить припеваючи. Жаль, я тебя в тюрьму не могу провести, а то посмотрела бы на этих уродов. Там ведь настоящего ворья сейчас нет: те на воле, деньги с утра до ночи делают. Мелочёвка: мать родную сыночек убил за то, что не дала ему денег на дискотеку; наркоманка, которая проходившей мимо женщине всё лицо и грудь бритвой исполосовала за то только, что она ей просто замечание сделала – окуроч, видите ли, оторва эта бросила прямо на тротуар, а не как поло-

жено, в урну. А вот ещё один, совсем свежий случай. Шайка пацанов подловила одну бедолагу в безлюдном месте. Избили, ограбили, затем решили ещё и изнасиловать. А насиловать нечем пока, да и толком не знают как: сплошь началь-ные классы. Так обошлись подручными средствами: палками, бутылками, ножами. Смешно?

Я промолчала. Затем буркнула под нос, уже открыв дверцу машины:

– В гости хотя бы пригласили.

Фомич хохотнул, не оборачиваясь:

– Не дождёшься, Леднёва. Как-нибудь в другой жизни. Если там встретимся.

– Это из-за того, что я порченная? – тихо спросила я.

Всё-таки я его довела, он опять развернулся в ярости.

– Ну ты и дура! Порченная! Да такую порченную на конкурс «Мисс Вселенная» можно посылать. Вбила себе в голову чушь какую-то. Прошло! Забудь! Никогда не было. В гости! Это ты сейчас: «Фомич» да «Фомич», а через полгода в мою сторону и не посмотришь – кто он, следователишка! И не зли меня! А то так нахлещу по одному месту, неделю сидеть потом не сможешь! В гости! Ну насмешила! А чего не сразу под венец или в загс? Мне-то, старому хрычу, терять нечего: хоть месячишко с тобой покувыркаюсь, потом всю жизнь будет что вспомнить.

Хорошо повеселились. Я, во всяком случае, точно от души. Но мужик – кремень, ничего не скажешь. «Гвозди б де-

лать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей», как сказал поэт один, Николай Тихонов. Ничего подобного мне в жизни ещё не попадалось.

Глава 5

Что я могу сказать о себе? Мне двадцать четыре года, я совсем недавно окончила институт, устроилась на хорошую работу, познакомилась там с прекрасным парнем, в котором души не чаяла, вот-вот должна была выйти замуж. Дальше...

Дальше эта неожиданная встреча. Как сейчас помню, меня окликнули, вроде бы для того, чтобы о чём-то спросить, я подошла к дверце, тут меня и затолкали в машину. Я пыталась сопротивляться, но почти тотчас же потеряла сознание: то ли эфир, то ли хлороформ, не знаю, чем именно был платок намочен. Очнулась я в бункере, иначе не назовешь, а точнее в специально оборудованном подвале загородного особняка.

Термин «специально оборудованный» на суде потом отрицался, говорилось, что в нём просто до этого жили таджики-строители, которые производили отделочные работы. Да и действительно, там можно было только спать, оргии происходили наверху, в тренажёрном зале. Со мной были три девушки, так называемые плечевые: из тех, что путаются с разного рода шофернёй, а вообще-то «голосуют» перед любой более или менее приличной машиной. Мы все были новень-

кие, незадолго до этого «ребятки», как их назвал Фомич, решили обновить состав. Сколько времени каждой из нас предстояло здесь провести, нам было неизвестно, да этого и никто не знал. Признаться честно, хоть похитители и обещали, что через недельку наш «квартет» отпустят подобра-поздорову да ещё и денег дадут, никто из девчонок не рассчитывал, что нам удастся выбраться из этих застенков живыми...

Ладно, хватит пока, больше не могу.

Я ненадолго отвлеклась от основных своих размышлений, перешла в файл «Сны» и принялась детально описывать то, что мне довелось испытать сегодня ночью. Первое время я до отказа накачивала себя снотворными, стремясь заглушить воспоминания. Была тогда настолько перенасыщена ими, что стоило мне закрыть глаза, как тени, образы буквально расползались по комнате, я различала даже их запахи, прикосновения. Потом поняла, что начала попадать в лекарственную зависимость, поскольку мне приходилось применять всё более и более сильные средства. Слава богу, у меня хватило сил и воли вовремя остановиться. Сейчас ограничиваюсь феназепамом, по полтаблетки, да и то не каждую ночь.

Мой сегодняшний сон... Сны надо фиксировать сразу, как только просыпаешься. Потом многие детали теряются или ты вообще забываешь то, что тебе привиделось, навсегда. Раньше со мной так и было: и сны мне снились очень редко, и из памяти они стирались мгновенно. Сейчас дове-

лось столкнуться с этим явлением вплотную, настолько, что я частенько не могу уже обходиться без помощи диктофона.

Возможно, вы уже составили обо мне определённое представление, и не исключено, что я кажусь вам сумасшедшей. Не стану спорить, иногда мне тоже кажется, что я не совсем нормальная (а может быть, и вообще ненормальная – такая каша в голове!). Но я подобрала для себя более точное определение – «тронутая». Иногда я подолгу стою под душем и часами тру себя губкой. Но мне никогда не смыть этих гадких прикосновений.

Никогда? Это словечко меня буквально бесит. Приблизительно так же, как ещё одно: «навсегда»! С кем бы я ни разговаривала на эту тему, все пытались меня убедить, что мне никогда уже не удастся стать прежней, я опустилась вниз, уже не такая, как была раньше, не такая, как остальные. Но и туда, вниз, падать можно до бесконечности. Я должна закрепиться, причём как можно раньше, как можно ближе к тому месту, с которого началось моё падение.

Так что заткнитесь и не говорите больше мне этого слова – «навсегда», даже мысленно, даже за тысячу километров отсюда. Не желаю его слышать! Я не опускалась, меня «опустили», но я всё равно вернусь к себе настоящей, к той, какой я была.

Так и есть, если бы не диктофон, что-то, может быть самое важное, я непременно бы упустила.

Я достала с полки томик в изящной, красной с белым обложке – «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда. Никак не могла пройти мимо эпиграфа, сто раз мною читанного, но всякий раз бесконечно умилявшего меня своей первозданностью:

Данте да Майано – к стихотворцам

– Не откажи, премудрый, сделай милость,
На этот сон вниманье обрати.
Узнай, что мне красавица приснилась —
Та, что у сердца в пребольшей чести.
С густым венком в руках она явилась,
Желая в дар венок преподнести,
И вдруг на мне рубашка очутилась —
С ее плеча, я убежден почти.
Тут я пришел в такое состоянье,
Что начал даму страстно обнимать,
Ей в удовольствие – по всем приметам.

Ну чем не современная эротика, чуть ли не порнография? Стоит только расшифровать это лукавое «Храню молчанье о прочем, как поклялся ей». И уж совсем странное: «И мать моя покойная была при этом». Ну, а ответ тоже не слаб:

– Рубашка дамы означать должна,

Как я считаю, как считаем оба,
Что вас в ответ возлюбит и она.
– А то, что эта странная особа
С покойницей была, а не одна,
Должно бы означать любовь до гроба.

Данте «Малые произведения».
Перевод Е. М. Солоновича (Прим. ред.).

Я полистала дальше замусоленные мною же страницы разделов: «Сновидение – осуществление желания», «Материал и источники сновидений», «Психология процессов сновидения». Но истолковала всё, как обычно, в свою пользу: мои видения просто цветочки по сравнению с тем, что является порой некоторым другим, даже великим. Причём испокон веку.

В пытке участвовали не профессиональные палачи – значит, я подлежала осуждению, а не суду за свои прегрешения.

То есть «не судите, да не судимы будете»! А «грязные, бесовские желания» могут посещать каждого, практически любого.

Но главное – Некто. Я не сама решила, что имею право заплатить любую цену, лишь бы сохранить свою жизнь, – меня спросили об этом, дозволили это.

Откуда вообще взялась подобная идея – заняться вплотную самоанализом? Мне ещё в самом начале сказали, что

есть два способа восстановиться: забыть всё, что со мной было, либо, наоборот, выплеснуть, вычистить из себя угнетающую, разъедающую меня информацию. Я выбрала сразу оба варианта: сначала избавиться от всех своих воспоминаний, затем надёжно замуровать то место в памяти, чтобы никогда к нему больше не возвращаться. Тетрадка, которой я первоначально решила верить свои тайны, для этой цели совершенно не подходила – пришлось воспользоваться компьютером и даже завести в нём отдельную папку.

Особенно долго я раздумывала над графическим образом своего выздоровления.

Восхождение на вершину? Но потом ведь придётся спускаться обратно.

Попытка выбраться из пропасти, в которую я неожиданно угодила? Но сколько можно в ней оставаться?

В итоге выбрала третий вариант: река, по которой меня отнесло вниз по течению, а я хочу вернуться как раз к тому месту, где прежде находилась. Получилась схема: от пункта «А» до пункта «Я»; в неё укладывались все файлы до единого.

Вовсе не хотелось, чтобы мне приснилась история, рассказанная только что Фомичом, и я решила, как иногда делала, описать её до мельчайших деталей, как будто сама была её очевидицей. Хотя понимала: опасный эксперимент, трудно сказать, куда могло завести меня моё воображение. Но и отступать было некуда: этот кретин (и зачем только ему нуж-

но было рассказывать мне подобное!) прорвал оборону, которую я уже три месяца как выстраивала, и этот прорванный участок нужно было срочно залатать.

Откуда в них столько злобы? Обыкновенные на вид ребята. Они ведь не детдомовские, у них наверняка есть родители. Собираясь замуж, я частенько прикидывала и буквально в ужас приходила от того, во сколько сил и средств может обойтись мне ребёнок (начиная с того, что при родах я просто могу умереть), а вырастет в итоге такой вот debil.

Они давно сбились в стаю или просто сработало стадное чувство? Кто-то из них и в самом деле был уродом, но не все же? Я, как всегда в таких случаях, проецировала на себя рассказанную историю. Ещё один приём – перемешать в памяти действительное с никогда не происходившим, разбавить тем реальность и, как результат, уменьшить её воздействие на психику.

Могла ли я отбиться? Нет, сковало чувство: как ударить ребенка? Не просто отшлёпать или отпугнуть, а любым способом вывести его из строя. Они не дали мне времени долго размышлять, повалили на землю, и сколько я ни пыталась потом подняться, всё падала и падала.

Та женищина выжила, а выжила бы я? И что, интересно, она делала, чтобы выжить? Надо бы расспросить Фомича поподробнее.

Глава 6

Нет, Фомич был не глуп, я всегда это знала, но он даже не подозревал, сколько дал мне информации к размышлению.

Я открыла файл «Мечь». Сначала жажда возмездия буквально переполняла меня. Мне хотелось сцепиться с каждым или с каждой, кто бросал в мою сторону ехидный взгляд, обсуждал то, что со мной произошло. Потом я поняла, что на каждый роток не накинешь платок и, если концентрироваться на мелочах, на главное ни сил, ни времени уже не останется. Файл «Мечь» был одним из узловых в вычерченной мною схеме, неужели я закрою его сегодня? Нет-нет, не сотру, конечно, даже периодически буду заглядывать в него. Но, может, я окажусь в состоянии наконец продвинуться дальше?

Вадим. Опять Вадим. Никак не пройдёшь мимо него, обязательно споткнёшься. Если бы не его предательство... Но, во-первых, можно ли назвать его поступок предательством или есть какое-то оправдание, пусть даже не просто оправдание, хотя бы слово в его защиту? Если бы он подошёл ко мне и честно сказал, что нам лучше расстаться, потому что произошедшее со мной отравит навсегда нашу совместную жизнь, как бы я на это отреагировала? Сочла бы его поступок честным или всё равно предательским? И значит, преда-

тельство может быть бóльшим или мёньшим? Но он не просто шарахнулся от меня, как от зачумлённой, он перекинул-ся. Тут же начал встречаться с другой девчонкой.

Сейчас я думаю, что она давно у него была, то есть нас вообще было двое, просто он никак не мог решиться и только в самый последний момент остановил выбор на мне. А затем судьба повернула его выбор в противоположную сторону. Но меня подкосил не сам факт его бегства, а то, что он именно в такой момент отвернулся от меня. Мсть? Но ведь Эдмон Дантес (знаменитый граф Монте-Кристо) не мстил своей бывшей невесте Мерседес за то, что она вышла замуж за другого мужчину, своего кузена Фернана Мондего. Он мстил самому Фернану, оболгавшему его. Хотя у меня, пожалуй, несколько иной случай. В конце концов я убедила себя, что судьба проявила ко мне милость, не соединив навек с таким человеком. Когда-нибудь в жизни он всё равно проявил бы себя, оставил меня без защиты...

Мои друзья и подруги, которые внешне лебезили передо мной, жалели меня, но для которых я стала вдруг неровней, парией, прокажённной... Им мстить? И здесь куда разумнее было бы просто благодарить судьбу, что я узнала им истинную цену.

Те люди, к которым, начиная свой путь, я обращалась за помощью, а они либо отделялись формальным сочувствием, либо бесцеремонно и даже брезгливо отторгали меня, — как к ним относиться? Нет, нет и нет, я копила свой

гнев для тех, кто и в самом деле заслуживал его, ни капельки не пролила.

И что же потом? Когда я услышала приговор, буквально остолбенела от ярости. Так значит, вот она, цена моей поруганной жизни? И что мне делать после этого? Таскать с собой револьвер?

Но что я могла сама? Только испортить дело. Защита, состоявшая сплошь из матёрых профессионалов, действительно буквально размазала меня по стене. Те «плечевые», которых Фомичу удалось разыскать и уговорить дать показания, впоследствии от всего отказались. Только два «камешка» и отсеялись, Вика и Оксана, две девчонки из Балашихи. Но они были не сами по себе: за них горой стояли двое хороших ребят из «дальнобойщиков» – они их в трудный момент и подстраховали.

В конце концов я всё-таки победила и даже нашла вариант, как мне по-настоящему отомстить своим мучителям, выйдя на «золотых рыбок», но почему-то остановилась у последней черты. Струсила? Кто знает, может, наоборот, проявила осмотрительность. Должна же у меня быть хоть какая-то страховка на тот случай, если кто-то из четверки вдруг и в самом деле надумает уничтожить меня?

Что ж, будем считать, что путь от пункта «А» до пункта «М» я осилила. И могла теперь полностью сосредоточиться на том отрезке, по которому давно уже параллельно плелась, но без особых достижений: от пункта «М» до пункта «Р» –

реабилитация. Так, для удобства, я разбила свою схему: четыре пункта – «А», «М», «Р» и «Я». Но когда я прорвусь к своему собственному «Я» и прорвусь ли когда-нибудь – никаких предпосылок к подобной победе у меня пока и в помине не было.

И опять вдруг нахлынуло... Я всю жизнь была примерной девочкой, хотя ходила в середнячках: мне нелегко доставались успехи. Почему именно я, почему такое случилось именно со мной – вопрос этот больше всех остальных не давал мне покоя. В последнее время я много читала из того, что мне советовали и, наоборот, не советовали, и наткнулась как-то на роман «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели» маркиза де Сада. Суть там состояла в том, что паиньку Жюстину весь роман насиловали, глумились над ней, как только могли, а она стойко переносила посылаемые ей Небом испытания и даже не роптала. А её сестра Жюльетта, графиня де Лорзанж, наоборот, находилась на содержании, не скрывала своей распущенности, однако её принимали в свете, оказывали ей все знаки внимания и уважения. Так что поневоле к финалу напрашивался вопрос: а кто же из этих двоих падшая женщина, кто из них на самом деле достоин порицания, а кто восхищения?

Я увидела себя в роли Жюстины, и, естественно, роль эта мне не понравилась. Я как бы перенесла действие сюжета в современность, сравнила себя с Немальцыной и пришла к выводу, что сравнение тут явно не в мою пользу. За две-

сти лет положение женщины в обществе изменилось, конечно, в лучшую сторону, однако сколько ещё времени должно пройти, чтобы она на самом деле уравнилась в правах с мужчинами, – тысяча, две тысячи лет?

Глава 7

Как бы то ни было, подобные мои размышления никому не были интересны, во всяком случае, никто не брал их в расчёт.

Вернулась в нормальную жизнь? Так живи, как все люди.

Хочешь остаться в прежнем кошмаре – милости просим в психиатричку либо просто сиди себе дома и носа из него не показывай, как Премудрый пескарь (пескариха).

Трудно было не согласиться с подобным мнением. Особенно остро я почувствовала это, вновь оказавшись в том реабилитационном центре, с которого начала когда-то свои хождения по мукам, а уж если быть точнее, по кругам ада. На меня смотрели теперь не с неудовольствием даже, а с ненавистью: чего ей надо? Опять пришла!

Ясно, что при такой зарплате выкладываться на полную катушку никто здесь не собирался. И тем не менее, если мне не помогло их «лечение», что же получается – брак в работе? Циркулярный душ, кабинет релаксации, электросон, иглоукалывание – чем я только здесь не занималась, и не помогло? А уж сколько советов, телефончиков мне давали: мол,

за небольшую плату – чудо-доктор, самородок, природный дар; чёрная магия, белая магия, знатоки вуду... С их невероятными способностями (!!!) я буквально в два счета вернусь в прежнее состояние и забуду то, что со мной произошло, как некий пустячный каверзный сон.

Но я пришла сюда из-за одного только человека – Игоря Карловича, седого как лунь старика, который мне очень помог поначалу. Он и на сей раз согласился меня принять, хотя и заставил отстоять большую очередь. Собственно, к нему всегда была очередь, он никогда не упускал возможности, как он говорил, подзаработать детишкам и детишкам детишек своих на молочишко.

– А, Анюта, как твои дела?

Что он лучше всего умел, так это слушать, но на сей раз не выдержал, перебил меня:

– Ты прорвалась к Чупилину? Не может быть! Во сколько же тебе это обошлось?

– Сто евро, – вздохнула я с невыразимой грустью на лице по поводу потраченных мной столь неразумно «у.е.» («условных единиц» – придумают же такое!).

– Сто евро? – рассмеялся Игорь Карлович. – Враки! Знаю, причём совершенно точно, что Леонардик меньше, чем по пятьсот евро за визит не берёт.

Ничего себе сюрприз! Я промолчала.

– Ну, Анюта, тебе повезло. Не стану лукавить: то, что я понял из нашей с тобой беседы, называется рецидивом. То

есть зацепиться тебе так и не удалось. Наоборот, намечается даже некоторое сползание в прежний омут. Ума не приложу, что тебе посоветовать. Лучший доктор здесь время, я тебе и в прошлый раз так говорил. Однако в данном случае время стало всё дальше убегать вспять: не лечить, а, наоборот, беречь рану. К сожалению, вынужден повториться, я бессилён тебе помочь. Что остаётся? Лекарства. А это частенько путь только в одну сторону. Да и врач здесь понадобится совсем другой – психиатр, то бишь я. Соответственно, стационар, где тебя никто по головке гладить уже не будет, ты утратишь все свои льготные, благотворительные статусы, станешь обыкновенной психической больной. Естественно (а как без этого?), постановка на учёт, не исключено, что пожизненная. И доказать, что ты не верблюд (верблюдица), тебе потом уже будет очень сложно (практически невозможно). Ну да мы с тобой об этом уже говорили. Что касается самой проблемы... Главное, что тебя губит, – твой максимализм. Ты непременно хочешь обойтись без потерь в данном случае, стать такой, какой была раньше, и точка. То есть стремишься к заведомо недостижимому, невозможному результату. В принципе... кто знает, может, в этом как раз твой единственный путь к спасению? Я, конечно, имею в виду не результат, а именно стремление. Оно очень велико, и это поражает. То есть Леонард, как тебе ни покажется подобным странным, был прав, говоря, что помочь себе можешь только ты сама. Но не одна, а под опытным руководством.

Так что, раз уж тебе так повезло и Чупчик проявил к тебе редкую для него снисходительность в смысле оплаты, вцепись в него мёртвой хваткой: пусть вытаскивает. Каким бы странным он тебе ни казался, знай: лучше него во всей России психотерапевта нет.

Мы ещё немного мило поболтали, на том и расстались. В голове у меня теперь была только одна мысль: как завлечь в свои сети Леонардика.

Глава 8

Мне с большим трудом удалось преодолеть барьер в виде секретарши-куколки Барби. Она никак не хотела записывать меня на приём. Ведь за консультацию нужно было заплатить, а денег у меня уже не было. Мне пришлось сослаться на наш уговор с Леонардом – в конце концов, после долгих переговоров между ним и «куколкой», «сын льва» всё-таки согласился меня принять.

– Вы пришли за своими деньгами? – спросил меня Леонард, заставив перед тем всласть насидеться в приёмной.

– Нет, – смиренно ответила я.

Я рассказала ему о разговоре с Игорем Карловичем, о том, что, по его словам, только он, великий Леонардо (ну, может, чуть-чуть недовинченный), теперь единственная моя надежда. Что я обещаю отныне быть феноменально послушной, утру всем нос, заткну всех за пояс, стану лучшей его па-

циенткой – короче, сделаю всё возможное и невозможное, лишь бы он не отказался от меня.

– Беда одна, – вздохнула я в конце своего долгого монолога, – в настоящий момент у меня совершенно нет денег. Но они в скором времени у меня обязательно появятся. Речь не идёт о благотворительности, просто не могли бы вы провести несколько сеансов со мной, как бы это сказать, в кредит?

Ответ был бескомпромиссен. Глаза Леонардика остеклели, и он, с видом крайнего сочувствия, печально покачал головой.

– К сожалению, Анечка, я вынужден вам отказать. Знаете, налоги, аренда, конкуренция... Я уже не раз подумывал о том, чтобы вообще прикрыть нашу лавочку. Как мы ни пыжимся, у нас при всём желании не получается свести концы с концами, мы работаем практически только за идею. Не могли бы вы пройти к Инночке? Она вам подробно всё объяснит. Что касается Игоря Карловича, то он, конечно, преувеличивает, его познания в нашей области бесконечно превосходят мои скромные таланты. Обязательно при встрече передайте ему привет и невыразимую благодарность за то, что он такого обо мне мнения.

Всё указывало на то, что я должна немедленно освободить помещение, но ещё при первом визите я поняла, что Леонардик – скупердяй, каких мало, и на благотворительность особенно не рассчитывала.

– Ну а если... – Тут я многозначительно посмотрела на Леонарда, ожидая, что у него появится блеск в глазах, уши полезут на макушку, но его взгляд так и остался стеклянным. Он уже понял, что я имею в виду.

Но я всё-таки договорила. Этот тип настолько раздражал меня, что я без всякого стеснения могла сказать ему что угодно.

– Помните, вы хотели в прошлый раз посмотреть? Даже очки на нос водрузили. Мы вполне могли бы пойти на натуральный обмен.

Он сделал вид, что колеблется, даже взялся за очки, затем всё-таки отложил их в сторону и сокрушённо произнёс:

– Что ж, ваше предложение очень заманчиво, крайне интересно, но... Как жаль, что у меня совсем нет свободного времени!

И так застыл с видом полного безнадёжного отчаяния на лице. Чувствовалось, что он и полчаса, и час мог просидеть в такой позе.

– Как жаль, что у меня нет денег, – тихо прошелестела я в ответ.

Что мне ещё оставалось? Только удалиться.

Но я всё равно не ушла сразу, задержалась в приёмной у Инночки, принялась лебезить перед нею, говорить какие-то несуразные комплименты, которые «куколка» со скучным видом выслушивала, хотя обычно никогда не бывала к ним равнодушна. Я попросила записать меня

на какое-нибудь, пусть самое неудобное, время, всего лишь на пять минут: «Мы ведём переговоры с Леонардом Львовичем, нет никаких сомнений, что мы с ним обязательно договоримся».

Я и так упрямая, а здесь у меня просто не было другого выхода. Поэтому я стала играть роль привидения. Появлялась чуть ли не каждый день, готовая сносить любые оскорбления. Но никаких оскорблений, даже тени раздражения ни от Леонарда, а уж тем более со стороны Инночки я не увидела и не услышала. Они мило мне улыбались, хотя внутри наверняка полыхали лютой злобой.

Наши диалоги с Леонардом неизменно сводились к одним и тем же фразам:

- Как жаль, что у вас нет денег!
- Как жаль, что у вас нет времени!
- Как всё-таки жаль, что у меня совсем нет свободного времени!
- Как всё-таки жаль, что у меня совсем нет денег!

Мы так церемонно обставляли наши диалоги, что даже кланялись друг другу, как японцы. В перерывах между этими сожалениями я ухитрялась всё-таки вставлять какие-то вопросы и даже иногда получала на них ответы.

Куда успешнее продвигались мои дела с Иннусей. Она оказалась вовсе не душой, а уж тем более не бессердечной стервой. Сразу же во всём поверила мне, записала в свои

приятельницы, от души сочувствовала, но к моим попыткам пронять Леонарда отнеслась весьма скептически.

– Ну, Леонард, он как мужчина имя своё не оправдывает. Совсем не лев и даже не сын льва. Ты зря стараешься. Проще вот этот письменный стол обольстить, охмурить, чем его.

– Деньги? Да он дерёт такие гонорары, что в обморок упасть можно. И люди платят. Причём вовсе не потому, что они круглые дураки. Просто он действительно лучший, тут уж ничего не поделаешь.

– Он не скупердяй, нет, просто под каблуком у жены. Она отбирает у него всё до последнего гроша, выжимает из него последние соки, а взамен ещё и наставляет рога с кем ни попадя. Постоянно шантажирует его разводом, прекращением поддержки со стороны своего папочки, его тестя. Я не представляю, как можно так замордовать человека? Ведь у него совершенно нет будущего. Докторская на нуле, а те популярные книжонки, которыми зачитывается вся Москва, в научном мире ему никакого авторитета не прибавляют, скорее наоборот. Я уж не говорю о его теще. Отдельная тема. Собственно, а как с ним иначе? Я сама из него выгрызаю буквально с кровью прибавки к зарплате. Вот уйду – что он без меня будет делать?

Жену Чупилина я один раз сподобилась-таки лицезреть. Фурия! Влетела, окинула приёмную взглядом, без стука ворвалась в кабинет, выгребла все деньги из сейфа и тут же умчалась.

«Как жаль, что у меня нет времени!...»

– Господи, да она его даже полы дома мыть заставляет!

Инночка никак не могла понять, зачем я столь бездарно теряю время. Предлагала познакомить меня с каким-нибудь «папиком». Сразу, мол, и деньги появятся, и Леонард заскачет передо мной на задних лапках. Своеобразно учила меня жизни:

– Вот смотри, – сказала она однажды, вывалив на стол из сумочки какую-то дорожную косметику. – Чего здесь, по-твоему, не хватает?

– Наверное, помады, – сообразила я, внимательно осмотрев сокровища новоявленной «Али-бабки».

– Точно, соображаешь, – благожелательно ответила та. – Прикид у меня есть, аксессуары тоже подобраны. Как только я смогу достать эту помаду, поднимусь ещё на одну ступеньку выше. Не думай, что люди не обращают внимания на такие вещи. Если хочешь, чтобы с тобой обращались, как с ровней, то и выгляди соответственно. Как тебе, кстати, мои новые духи?

Я ответила, что у меня нет слов, чтобы выразить своё восхищение.

– Видишь, дело не только в деньгах, которые я здесь получаю. Никаких моих денег не хватило бы, чтобы купить те подарки, которые мне иногда эти дурочки Леонардовы делают. Учись, студентка! Жила бы ты на Рублёвке, никакие насильники не были бы тебе страшны.

Я как-то рассказала Инночке о «золотых рыбках» и страшно её этим заинтересовала.

– Эх, дурёха ты, ну просто на всю голову больная, в такой круг могла войти. Мне бы так повезло, уж я бы подобную возможность не упустила!

К сожалению, не могу сказать точно, что она имела в виду. Может, тот подвал, в котором я провела почти полгода?

Глава 9

Как раз к тому времени я осталась совсем без денег. Все мои сбережения растаяли, всё, что было накоплено на свадьбу, тоже. Я постоянно занимала у кого только могла, и, естественно, подошёл момент, когда никто уже не захотел давать мне деньги в долг. Между тем через три недели мне предстояло оплатить аренду квартиры, причём сразу за полгода вперёд. Это был полный крах. Что мне оставалось? Вернуться к родителям? Они и так уже меня затерроризировали. Это на расстоянии, а что будет, если находиться с ними

постоянно, бок о бок? Я всерьёз подумывала о том, чтобы переселиться к Фомичу на любых условиях, но чтобы у такого мужика зазнобы не было, как-то не верилось.

Выход был один: устроиться куда-нибудь на работу, на что я и переключила временно свои усилия. «Судовой журнал», так я называла свою любимую папку в компьютере, моментально был забыт, и я засучила рукава. Отпечатала целую кипу резюме, часть из них разослала по почте, часть разнесла сама, но результат везде был один и тот же: что-то наклёвывалось, даже обещалось, а потом, в последний момент, срывалось. И я никак не могла объяснить себе почему. Заполняла тесты, умильно заглядывала в глаза кадровику или топ-менеджеру, прилежно отвечала на все задаваемые вопросы, но уже к концу собеседования знала результат. Что это было? Обыкновенное невезение? Очередная жизненная гадючость?

Гораздо лучше дело обстояло в области подработок. Студенческий опыт выручал, тем более что я ни от чего не отказывалась: ни офис отдраить, ни всякого рода рекламную ерунду по почтовым ящикам рассовать. У меня было две цели: накопить сто евро на очередной визит к Леонарду и заплатить своей квартирной хозяйке, но последнее я могла сделать, только устроившись на работу и взяв в банке небольшой заём.

Прошло две недели, пока я поняла, почему меня отовсюду

отфутболивают. Да очень просто: после собеседования, а то и во время него, наводят справки по моему прежнему месту работы, ну а там и происходит сбой. Разъярённая, словно целый пчелиный рой, я не стала звонить нашему кадровику: он наверняка стал бы всё отрицать, так уж у них принято, двуликих Янусов, а вышла сразу на нашего начальника, Глеба Евгеньевича. К счастью, секретарша меня ещё помнила и после коротких переговоров с «Глебушкой» меня с ним всё-таки соединила.

– Да, Красников. Анюта? Что там у тебя стряслось? Слушаю!

Тут я ему и выдала всё по полной программе, удивляюсь только, почему он сразу трубку не положил. Наверное, просто оторопел от моей наглости. Мужик он был суровый, надменный, нас, своих сотрудников, за людей не считал. Не участвовал в наших предпраздничных пирушках, даже с днём рождения кого-то поздравить – и то сам ни разу не удосужился. Всё за него делала секретарша. И хотя никто не бывал внакладе, было немножко обидно, что он такой сухарь. И тут вдруг Леднёва, собственной персоной!

– Хорошо, я разберусь, – холодно ответил он, когда мой запас обвинений был наконец исчерпан. – Хотя, признаться, я не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне.

– Простите, у меня просто не было другого выхода, – смиренно, буквально само покаяние, быстро сориентировалась я.

– Минут через десять перезвони мне, – буквально через губу переплюнул мой бывший шеф эти слова.

Ну и бог с ним, главного я всё-таки достигла. Глеб был мужик крутой, и откладывать что-либо на потом было не в его правилах. Возмездие обычно следовало неотвратимо.

Я перезвонила, как мы и договаривались.

– Знаешь, вопрос сложный, – неохотно признался он в трубку: как видно первая волна его цунами завершилась пшиком. – Приходи лучше сегодня или завтра на работу, на месте и разберёмся.

Как я поняла, кадровик в самой категоричной форме отрицал свою причастность к тому, в чём я его обвиняла.

– Я не могу прийти на работу? – хмуро ответила я.

– Почему?

– По той же причине, по которой с неё уволилась. Вы, наверное, моего отсутствия так до сих пор и не заметили? В самом деле, кто я для вас? А уж причина... Это действительно надо, чтобы гора двинулась к Магомету.

Он помолчал немного, затем вздохнул.

– Ладно, давай встретимся на нейтральной территории, после работы. Говори, где тебе удобнее.

Глава 10

Нет, определенно где-то что-то стряслось: кто-то сдох или что-нибудь в этом роде. Зацепка. Я достучалась до небес.

Чтобы Глебушка заинтересовался чьей-то судьбой, а уж тем паче согласился встретиться с кем-то из своих сотрудников в нерабочее время – такое и во сне не могло присниться. Я лихорадочно соображала, как мне использовать этот Богом посланный шанс, какие доводы привести в свою пользу. Может, в Глебушке и в самом деле осталось что-то человеческое?

Глеб не заставил себя долго ждать, был сам за рулём, хотя обычно пользовался услугами шофера. Припарковался поблизости, остановил машину, открыл дверцу, приглашая сесть рядом с ним, закурил, не спрашивая «у дамы» разрешения.

– Ну, теперь я знаю достаточно, Анята, чтобы вести предметный разговор. Честно говоря, никак в толк не возьму, какие у тебя к нам претензии? С тобой случилось несчастье, все это понимают. Вадим женился на другой девушке, но ведь это его право. Твоё увольнение вообще ни в какие ворота не лезет. Без работы, без денег... Тебе что, нравятся трудности преодолевать? Так и преодолевай. Кадровику я верю, твои обвинения в его адрес считаю голословными, необоснованными. У нас прекрасный микроклимат на фирме, я, во всяком случае, за этим слежу. Но помочь тебе...

Я пыталась остановить себя, но это было бесполезно. «Прекрасный микроклимат», «слежу»... Лучше бы он не говорил таких слов. В течение четверти часа я буквально растёрла в порошок этого надутого индюка, начав с его лич-

ной жизни, красавицы-жены, которая изменяла ему направо и налево. Разодетая в пух и прах, с утра до вечера и с вечера до утра только тем и занята была, что разоряла его, транжирила его деньги. Шлялась по модным бутикам, ночным клубам и казино, не желала иметь детей, поскольку за ними надо ухаживать, да и фигура будет потом безнадёжно испорчена. Её буквально каждый прыщик на лице, сломанный ноготь выводили из себя: как, мол, это может быть со мной?! Продолжила о том, что он такой пентюх, что не только не может постоять за себя, но даже любовницу завести, прыгает перед своей «Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля, Эммануэль!» на задних лапках. О том, что весь коллектив давно потешается над ним и его унижениями, что никто «на фирме» его не любит, только изображает подобострастие. А сама фирма давно уже на краю пропасти, из пионеров-лидеров в компьютерном бизнесе скатилась в третий сорт: скупает в Юго-Восточной Азии некондицию, а наши русские умельцы из дерьма делают конфетку. Потом эту конфетку (действительно конфетку!) наши же менеджеры (вот уж полная оторва!) реализуют где-нибудь на пока ещё бескрайних просторах «СНГовии». И процветает, как ни странно, поскольку дураков вокруг пруд пруди. Но ведь такое не вечно.

Глеб слушал меня с прохладцей, но не перебивал. Очнувшись, я поняла: всё, конец, теперь мне вообще никуда не устроиться. Господи, с чего меня вдруг понесло-то? Кто мне казахи или узбеки – родные братья? А жена его? Чего я

к ней прицепилась?

— Ну, насчёт наших дел... — задумчиво, почему-то с большим запозданием ответил вдруг Глеб, — ты просто в этом ничего смыслишь. Основной закон бизнеса гласит: занимайся тем, что тебе на данный момент всего выгоднее. То, чем я занимаюсь, и вы вместе со мной, очень выгодно. Но это большой секрет. Я надеюсь, ты о нём будешь молчать, как аквариумная рыбка. Пусть лучше я и дальше буду выглядеть со стороны хоть и не дураком, но, по меньшей мере, не слишком башковитым человеком. Пойми, Аня, я мог бы платить вам зарплату вдвое-втрое больше той, что плачу сейчас, но чем это в итоге закончится? Начнёте болтать, «крыша» плату за свои услуги повысит, а может, и вообще, устранив меня, к своим рукам столь лакомый кусочек приберёт... Элементарщина! Смекаешь теперь? Ну а вот всё остальное, что ты сейчас изложила, и в самом деле небезынтересно. Пример навскидку: я должен извиниться перед тобой, но основательно проголодался. Дома, как ты понимаешь, хорошего меня ничего не ждёт в этом плане, так не могли бы мы продолжить наш разговор где-нибудь за трапезой? Тут неподалёку есть небольшой ресторанчик, очень уютный. Если ты, конечно, никуда не спешишь.

Ну, насчёт «спешишь» он загнул, конечно. Более того, я была так голодна, что даже боялась смотреть на еду, которую нам принесли. Поглощала её молча, с закрытыми глазами, совершенно не заморачиваясь тем, что обо мне думают Глеб,

другие посетители, официанты. Затем, когда я немного (!) насытилась, на меня нашёл другой стих – словоизвержение. Постоянно перескакивая с одного на другое, я, казалось, пересказала Глебу всю свою жизнь: пристрастия, взгляды, мысли, особенно смакуя последние злоключения. Я даже обрисовала ему тот сон с распятием.

Нельзя сказать, чтобы Глеб был потрясён, хотя слушал достаточно терпеливо, иногда даже что-то уточнял, задавал наводящие вопросы. В общем, индюк – он индюком и остался.

– Не знаю, что с тобой делать, – проговорил он наконец задумчиво. – При таких нервах никто тебя на работу не возьмёт, а если возьмут, то через неделю выгонят. Я имею в виду порядочную, то есть нормально оплачиваемую работу. Даже не могу рекомендовать тебя своим друзьям: как я им в глаза буду после смотреть? Я вообще-то планировал тебя оформить в какой-нибудь из филиалов нашей фирмы, восстановить в должности не ниже прежней, но это совершенно невозможно, ты сама это понимаешь.

Да, всё было на редкость логично, безжалостный киллер-взгляд со стороны. Именно такой я себя вместе с ним увидела и поняла, что он прав, прав, трижды прав, четырежды объективен. Всё тот же замкнутый круг, из которого я не могла вырваться, ничего нового. И что толку дёргаться дальше? Пожалуй, психушка, если выбирать, и в самом деле лучший исход.

Красников не торопил меня, думал о чём-то своём. Нако-

нец он прервал мои грустные размышления.

– Послушай, небольшая консультация. Если бы я вдруг обзавёлся любовницей, как ты считаешь, повысило бы это мой статус на фирме, улучшило бы мои отношения с женой?

Вопрос на засыпку. Голова у меня плохо соображала – я ответила первое, что в неё пришло.

– Статус? Безусловно. Что до жены... Не та она женщина, чтобы взяться за голову или испугаться. Просто будет вести себя ещё более вызывающе.

– Ты уверена?

– Конечно. У неё появится оправдание! Свободная любовь. Не думаю, чтобы в вашем кругу этим кого-нибудь можно было бы удивить.

Красников опять задумался. Мне это не мешало, так как подоспело время десерта, и уж тут я смогла оторваться по полной программе. Деньги на еду у меня были, конечно, поэтому голод тут был другой. Приготовить себе что-то вкусненькое в последнее время у меня не было ни сил, ни желания, а чтобы совсем вот так – не буду скрывать, и умения. Поэтому я наслаждалась, как только могла.

Наконец Глебушка соизволил вновь отверзнуть свои уста:

– Хорошо, Анята, у меня к тебе деловое предложение. Надеюсь, ты понимаешь значение слова «виртуальный»?

– Да, безусловно. Это вроде как что-то возможное, но вместе с тем абсолютно нереальное. То, чего в жизни не бывает, но в мозгах почему-то застревает, – тотчас сморозила я

какую-то залипуху, совершенно не представляя себе, даже не предполагая, что конкретно имеется в виду.

Глеб несколько брезгливо поморщился моим словам, но тем не менее продолжил:

– Так вот, не согласилась бы ты, Анечка, за определенные... не деньги, нет, скорее удобства, стать моей виртуальной любовницей?

Это было ещё менее понятно, у меня просто челюсть отвисла.

– Что вы имеете в виду под словом «удобства»? – спросила я наконец. – Надеюсь, они не «во дворе» и не «в конце коридора»?

Красников усмехнулся. Тоже было что-то выдающееся для него.

– Нет, разумеется. Во-первых, квартира. Во-вторых, иногда посещение ресторанов и других увеселительных заведений. В-третьих, работа хоть в основном офисе, хоть в каком-нибудь из филиалов нашей фирмы – сама выберешь. Теперь, с таким статусом, тебя будут терпеть в любом качестве, хотя я почему-то уверен, что ты будешь работать, как и работала, то есть прекрасно. Зарплата повыше, чем раньше, соответственно. В-четвертых, расходы на твою реабилитацию до победного её завершения. Вот и всё с моей стороны. С твоей – никакого интима...

– Ну, при таких условиях можно и с интимом, я от чистого сердца, – без малейшей тени иронии проблеяла я.

– Прости, – поморщился Глеб, стараясь преподнести свою мысль как можно мягче. – Я не могу. Не оттого, что там что-то произошло с тобой. Просто не хочу тебя обидеть, но ты не в моём вкусе. Видела мою жену?

Ещё бы не видела! Ноги от ушей, а походка такая... никакой виагры не надо, мёртвый встанет... из гроба вслед посмотреть.

– Ну так как, попробуем? Не сложится – в любой момент можем это дело прекратить.

Что мне ещё оставалось, как не ответить «Да, разумеется!»? У вас как, хватило бы духу отказаться?

II – «Моя добыча!»

Глава 1

Я никак не могла осознать, что со мной произошло. Что называется, из грязи – да в князи, из замарашек в царевны. В принципе, это не решало полностью ни одной моей проблемы, но, с другой стороны, я определенно зацепилась, обрела твёрдую почву под ногами.

Надолго? Вряд ли. Начну с того, что Глеб оказался не так уж и щедр. Всё, что я получила от него, – мою же квартиру с оплатой вперёд на полгода и никаких перемен к лучшему в обстановке, прежнюю работу с видами на дальнейшее продвижение по службе, которого можно было ждать до морковкиного заговения, прежний оклад, но с какой-то дополнительной нагрузкой, так что ещё процентов десять набегало. Насчёт увеселительных заведений обещание было рассчитано, как видно, на очень далёкую перспективу. Ну, и ещё некоторая сумма на мою реабилитацию, за которую я должна была постоянно отчитываться.

Забегая вперёд, скажу, что, узнав, какие деньги я плачу Леонарду, Глеб записался к нему на приём и попытался сбить расценки. Это ему не удалось, конечно. Леонардик просто посмеялся над новоявленным Гобсеком. Но узнал

в тот раз Красников обо мне предостаточно, вытягивал каждую подробность, смаковал каждую деталь, пытался даже ознакомиться с моей так называемой историей болезни.

Да и плевать на него. С сексом ко мне он не лез, только ночевал иногда – где-то в среднем раз в неделю. Кроме того, часто вызывал к себе в кабинет на беседу, опять же о де-нежках своих беспокоясь, гарпагон несчастный. То есть мои сады Семирамиды в любой момент могли рухнуть – но что я теряла?

Как уже говорилось, я восстановилась на прежнем месте. Девочку, которая меня заменяла, как раз и перевели с повышением в один из филиалов. Вела я себя спокойно, скромно, но сотрудников держала на расстоянии. Две попытки поехидничать надо мной закончились для их зачинщиц печально, после чего никто уже больше меня не трогал, да и в душу не лез. Особенно трясся Вадим, но я делала вид, что не держу на него зла. И это дало результат: через какое-то время он даже стал поглядывать на меня с любопытством: как видно, не очень-то ладилось у него с молодой супругой.

У меня появились деньги, но все они уходили на то, чтобы потихоньку расплачиваться с долгами. Я могла бы не делать этого, во всяком случае не спешить с отдачей. Но не такой я человек.

И всё же то, что со мной произошло, нельзя было назвать иначе как чудом. Я никак не могла понять, как такое случилось. Конечно, если бы я была фанатично верующей,

просто бы всё объяснила: в моей жизни с самых малых лет слишком удачно всё складывалось, но я не оценила милости Божией, слишком возгордилась, возомнила о себе, о людях и о Нём забыла, и тогда Он послал мне испытание. Теперь, когда я это испытание вынесла, выстрадала, Бог меня помиловал.

Если по первой части этого рассуждения, то оно не моё. Так мне пытался втолковать священник в Реабилитационном центре (впрочем, никакой он был не священник, как оказалось при первом же разговоре, а простой монах, сам весьма странный и обуреваемый страстями, он даже в глаза мне почему-то боялся смотреть). Но я не слишком разбираюсь в вопросах веры, и комплекс вины, который он пытался мне внушить, вызвал у меня тогда резкое чувство отторжения. «Может, я совсем дура, – думала я после первого нашего разговора, – но никак не могу понять, зачем Богу наказывать человека кроткого, доброго, наивного, когда вокруг столько злых людей?». Тогда, отчаявшись убедить меня и считая, что я ввожу его «во искушение» своими доводами, монах Иларион, так его звали, дал мне карманного формата Библию и предложил найти себя в ней.

Это было ещё до того момента, когда я ушла в интернет, поэтому уцепилась за его предложение, как за спасительный круг. Каково же было изумление Илариона, когда я заявила ему, что нашла себя в книге Иова. Он проговорился, что ожидал совсем другой вариант, более подходящий мне, – об-

раз Марии Магдалины. Но ведь я не была проституткой, падшей женщиной, – в чём же мне было каяться, за что себя распинать?

– Да, но роптать на Бога! – пробормотал тогда Иларион.

– Почему же Иову можно было, а мне нельзя роптать?

Этим вопросом я добила его, с тех пор он старательно избегал со мной дальнейших встреч. А мне очень хотелось поговорить с кем-нибудь на эту тему.

Мой возраст... Я и сейчас многого не понимаю в том, что читаю, а тогда была совсем уж простушкой. В «11 минутах» Пауло Коэльо меня насмешило то, что героиня, хоть и была проституткой, всё своё свободное время проводила в библиотеке, именно этим в конце концов в корне изменив свою судьбу. И тем не менее вопросы, которые жизнь постоянно ставила передо мной, требовали ответа, и я с головой погрузилась в интернет. Скачанные оттуда материалы я распределяла по степеням сложности, исходя из того, что то, что недоступно мне сейчас, станет ясно потом, когда я наберусь ума, образованности и, главным образом, жизненного опыта. Но в данном случае я и сама сообразила, когда Иларион произнёс загадочную фразу: «Надо упасть, чтобы возвыситься!». Что же получается: то, прежнее моё падение было недостаточным, оно должно было стать более глубоким, осознанным? Если бы... если бы я пошла по другой дорожке, стала проституткой, путь Марии Магдалины открыл бы мне многое.

Как бы то ни было, Бог или, может, Судьба пришли мне на помощь как раз в самый подходящий момент: когда я исчерпала статус жертвы. Нельзя было ожидать, что я смогу им пользоваться до бесконечности: удостоверений подобных не дают и льгот никаких таким, как я, не положено. Для меня сделали всё, что возможно, а дальше уж сама, детка. Ножками, ножками...

Какой-то прогресс всё-таки был: я не пошла по традиционному пути, предложенному мне Иларионом: не стала «плечевой» или массажисткой салона интимных услуг, отвергла участь Марии Магдалины, а уж тем паче Жюстины, выбрав для себя путь Жюльетты, хотя до графини Лорзанж, как и до аристократки вообще, мне было так же далеко, как до планеты Марс.

Конечно, я не обольщалась в отношении Глеба: слишком хорошо знала характер своего бывшего и нынешнего начальника, чтобы понимать — хоть наши отношения и носили вроде как чисто деловой характер, он никогда не смирится с тем, что при таких затратах он ничего не получает взамен. Непременно попросит конфетку. И я даже ждала этого. Не в моих правилах оставаться в долгу перед кем-либо, ну а кроме того, мне и в этом отношении хотелось реабилитироваться, почувствовать себя женщиной.

Глава 2

Я смотрела во все глаза на Леонардика и не знала, как поступить. Проще всего было бы разузнать что-то предварительно у Иннуса и только потом идти на приём, но я, как всегда, поддалась эмоциям.

– Вы повысили плату, причём сразу в пять раз, – проговорила я в запальчивости, – вы что, специально так издеваетесь надо мной? Или завлекали сначала иезуитской видимостью милосердия, а теперь решили раскрутить по полной программе?

«Сын Льва и сам Лев» сокрушённо развёл руками.

– Благодарите своего умненького-разумненького начальничка. Он был настолько возмущён моими «сверхдоходами», что я вынужден был уравнивать вас с остальными своими клиентами. Поймите меня правильно, что мне оставалось делать? Действительно, по доброте душевной я могу позволить себе иногда некоторую благотворительность, но вы уже не та бедная девочка, которая пришла ко мне в начале нашего знакомства. Теперь у вас богатый, как бы это сказать поделикатнее... спонсор – и с чего, простите, я должен делать вам какие-то послабления? Налоговая инспекция меня не поймёт. Кстати, вы хоть знаете, что ваш толстосум навещал меня?

Я мысленно послала тысячу эсэмэс-проклятий Глебушке,

но что это могло изменить?

– У меня нет таких денег, – сухо ответила я. – Вы, наверное, поняли уже, какой он скупердяй?

Леонардик привычно скорбно покачал головой и развёл руками. Обычный наш ритуал.

– Как жаль, что у вас нет денег, – тихо прошептал он с истинно китайской обходительностью.

– Как жаль, что у меня нет таких денег, – в тон ему прошептала я в неимоверном отчаянии. – Но мы не можем столь нелепо расстаться!

– Вы даже не представляете себе, как трудно мне будет обходиться без вашего общества, – совсем уж, чуть ли не рыдавши, сбавил тон (почти до шёпота) Сам Лев и сын Льва.

Я понимала, что, если я сейчас уйду ни с чем, эти двери могут уже закрыться для меня навсегда и никакая Иннуса больше мне не поможет. Я не имею в виду «дверь» в прямом смысле этого слова.

– Хорошо, – сказала я. – Вы отказываетесь меня лечить, но не могли бы вы оказать мне посредничество в одном деле?

Я изложила суть своего похода к Фомичу.

Чупилин весело рассмеялся.

– Но ведь это уголовно наказуемое деяние. Вы хотите посадить меня за решётку? Не слишком ли себя переоцениваете? Зачем мне такие приключения? Денег у меня и так больше, чем нужно, любовницы, как я уже вам сказал, мне пока

не требуется.

Я оперлась локтями о стол и с предельной загадочностью посмотрела ему в глаза.

– Вы внимательно читали те материалы, которые я вам давала в нашу первую встречу? Там есть то, что могло бы очень, о-чень вас заинтересовать. И вы получите это буквально за гроши. Я ведь уже не та простушка-пастушка, которую вы имели честь созерцать в нашу первую встречу: я давно вызубрила чуть ли не наизусть все ваши книги. Так вот что меня безмерно удивляет: среди них нет одной – самой скандальной, самой успешной, настоящего бестселлера, который мог бы конкурировать даже с художественной литературой: книги о психологии сексуального маньяка. И ради бога, только не говорите мне о том, что на эту тему написаны тысячи томов, поставлены десятки тысяч фильмов. Вы могли бы здесь превзойти самого Зигмунда Фрейда. Поняли теперь, что я имею в виду? «Дневник падшего».

Леонардик больше не улыбался – он побарабанил пальцами по столу, весь уйдя в себя, затем осторожно высунулся наружу, как черепаха из панциря, искоса поглядев на меня.

– Неплохое название. Сами придумали?

– Нет. Зачем мне врать? Просто был роман об одной плохой женщине, очень плохой, которая вроде как под конец жизни решила рассказать о себе правду. Книга побилла все рекорды в начале прошлого века (общий тираж – более миллиона экземпляров), но на века не прогремела. (Две вой-

ны, сами понимаете). Я просто читаю сейчас всё подряд, вот и наткнулась случайно.

– Ну а тот дневник... вы держали его в руках?

– Да, – кивнула я, – в начале следствия эта распечатка фигурировала в деле, и меня, естественно, с ней ознакомили. Потом обвинение пришло к выводу, что как доказательство она никак не может быть использована. Происхождение её туманно, а стало быть, и несущественно: защита тут же утопила бы её, а с нею всех нас заодно. Надеюсь, что её не уничтожили. Для меня она тоже очень важна.

Леонардик сделал вид, что ещё колеблется: он никак не хотел признаваться самому себе, что уже прочно сидит на крючке. И у кого? У какой-то сопливой девчонки.

– Хорошо, – наконец важно кивнул он. – Я выступлю посредником. Но только в том случае, если игра и в самом деле стоит свеч. Сначала ознакомлюсь с материалами. Но как мы поделим дневник, если он не только действительно существует, но ещё и заслуживает внимания?

Я пожала плечами.

– Очень просто. Нам не нужны оригиналы. Вы просто перекинете скачанные материалы со своей флешки на мою.

– Да, резонно, – вздохнул Леонард, что, по всей видимости, означало его полное согласие.

Чему я больше всего удивилась – так это тому, что такое продолжительное время видела Львёнка серьёзным, чем и не преминула воспользоваться.

– Так вы оставите прежнюю цену? Спонсоры тут ни при чём, вы должны защитить бедную девочку. В этом как раз и состоит в данном случае благотворительность. Вы ведь понимаете теперь, отчего моё внутреннее «я» так противится всякой попытке вылечить меня. Я не могу быть добренькой, зная, какая опасность мне угрожает.

Леонард усмехнулся.

– Да, вы очень интересный экземпляр. Я вот думаю: что было бы, если бы жизнь и дальше шла для вас своим чередом? Вы остались бы обыкновенной наивной девчонкой и за хорошим мужем так, глядишь, спокойно и счастливо прожили весь отпущенный вам век: работа, детишки, любимый человек рядом. Будни, праздники, радости, горести, незаметно подкрадываясь старость. Но не судьба. И какая теперь судьба?

Я разозлилась.

– Вы пожелали бы такое своей дочери? Такую «мудрость»?

– Ну, во-первых, у меня нет детей, пока не сподобился, а во-вторых, я, конечно, сделал бы всё возможное, чтобы свою дочь от чего-то подобного оградить. Однако суть тут не в дочери. Просто вы уникальны. Большинство людей после такого стресса не выправляются никогда. Не выправитесь и вы, но инстинкт самосохранения у вас такой, что ради того, чтобы выжить, вы способны пойти на саморазрушение, согласившись на любые изменения в своей личности. Как я

мог бы пожелать кому-нибудь такое? Плата в данном случае непомерно велика.

«Интересная мысль! – подумала я. – А ещё интереснее, что думает человек, видя перед собой водоворот? В таком моём положении наверняка лучше быть от меня подальше. Эх, сын Льва, подведёт тебя когда-нибудь твоё любопытство! Хотя... в тридцать два года такая знаменитость – это, быть может, как раз благодаря подобной безоглядности».

Но я не стала рисковать, высказывать свои мысли вслух, поспешила замаскировать ловушку, переменив тему.

– Странно, а что, ноги от ушей не позволяют иметь детей? – наивно поинтересовалась я, старательно делая вид, что никаких моих бесед с Иннусей не было и я ничего не знаю о личной жизни Леонарда.

– Ну, знаете, роды портят фигуру. Жена считает, что с детьми пока можно подождать.

– Она у вас актриса, манекенщица? – продолжала я разыгрывать из себя полную идиотку.

– Нет, – отрицательно покачал головой Леонард уже с подозрением, стараясь сообразить, куда я клоню.

– Понятно, – вздохнула я, решив не играть дальше с огнём и не подвергать риску хоть чуть-чуть подпортить неожиданно установившиеся у нас с «психом» доверительные отношения. – Значит, всего только обыкновенная стерва, прожигательница жизни. Вот видите, как вы не правы, рассуждая о моём «прорыве»: я как была, так и осталась полнейшей

дурой. И будь вы моим мужем, первым делом нарожала бы вам кучу очаровательных карапузиков.

Что ж, крыть ему было нечем. Победа осталась за мной. Хотя я понимала, насколько несправедлива к этому человеку. Чисто женская черта – обязательно отомстить, причем несоизмеримо с обидой: если уж ударить, то по самому больному месту. Как я уже упоминала, весь феномен взлёта, именно взлёта, а не способностей Леонардика, возник исключительно благодаря связям родителей его жены. Разведись он с ней, и останется от знаменитого доктора (кстати, совсем не доктора и не профессора, а всего лишь доцента, кандидата наук) лишь пустое место. Ах, Иннуся, Иннуся, и не перечать, скольким я тебе обязана, «дурочка-блондиночка»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.